

К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. АХМАТОВОЙ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-115-128

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ Д. П. ЯКУБОВИЧА НА СБОРНИК А. А. АХМАТОВОЙ «ЧЕТКИ»

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Я. В. СЛЕПКОВА И © В. В. ТУРЧАНЕНКО)

Отношения Анны Ахматовой и Дмитрия Якубовича, пушкиниста, поэта, сына писателя-народовольца П. Ф. Якубовича, уже становились предметом специального рассмотрения.¹ Их знакомство состоялось, по всей видимости, во второй половине 1920-х годов в доме историка литературы и библиофила П. Е. Щеголева, объединившего силы молодого поколения исследователей для подготовки принципиально нового с текстологической точки зрения собрания сочинений Пушкина. Не исключено, что Ахматову и Якубовича познакомил их общий товарищ Б. В. Томашевский, дружеские отношения с которым Ахматова поддерживала вплоть до его трагической смерти в августе 1957 года.

Якубович, с 1931 года занимавший должность секретаря Пушкинской комиссии АН СССР, сыграл важную роль в «пушкинской» биографии Ахматовой: именно он выступил инициатором ее участия в научных заседаниях комиссии и привлек к нескольким важнейшим проектам, среди которых были новое академическое издание Полного собрания сочинений писателя и факсимильное издание одной из его рабочих тетрадей.² Впрочем, знакомство Якубовича с творчеством Ахматовой состоялось задолго до их личной встречи: студент историко-филологического факультета Петроградского университета, а затем молодой учитель деревенской школы и библиотекарь был внимательным и требовательным читателем ее поэтических сборников.

Одна из первых попыток критической оценки поэзии Ахматовой относится ко времени учебы Якубовича в университете. Это обстоятельная, не увидевшая свет рецензия на четвертое издание сборника «Четки», датированная ориентировочно весной–летом 1917 года.

Вскоре после этого вышел в свет третий сборник стихов Ахматовой — «Белая стая». Якубович написал еще один, менее подробный и вместе с тем

¹ Немногочисленные сохранившиеся свидетельства их общения скрупулезно собраны Р. Д. Тищенко, см.: *Тищенко Р. Д.* 1) Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 113–115; 2) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2011. Вып. 9. С. 136–145. Взаимодействию Ахматовой с кругом академического пушкиноведения (в частности с Якубовичем) посвящены заметки: *Турчаненко В. В.* 1) Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг. (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 2020. Вып. 34. С. 147–150; 2) Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сборник статей и материалов к 70-летию Н. И. Крайневой. М., 2023. С. 245–254.

² Стихотворение, посвященное Пушкину — «Смуглый отрок бродил по аллеям...», — в публикуемой далее рецензии Якубович отметил особо и дал ему исключительную характеристику: «мастерски и сжато написано».

более снисходительный отзыв, который был опубликован в 1918 году в народолюбческом журнале «Русское богатство».³ Хотя этот текст и нельзя назвать однозначно комплиментарным, отношение Якубовича к поэзии Ахматовой, несомненно, претерпевало изменения. Так, ненапечатанная рецензия на «Четки» завершалась словами: «...публика Анны Ахматовой — это публика нашего дореволюционного безвременья <...> „Четки“ являются лишним примером того, что хотя поэты и творят публику, но и публика, в свою очередь, нередко творит поэтов». Отзыв на «Белую стаю» отличался меньшей категоричностью, а общая оценка сборника была скорее положительной. Не без оговорок Якубович прослеживал поэтическую генеалогию Ахматовой: «В „Четках“ классические образы и формы были случайны — теперь поэтесса вышла на путь, который мы бы назвали пушкинским. <...> Пушкинское устремление приятно и неожиданно у Ахматовой, но там, где поэтесса вполне оригинальна, недостатки книги старые: ахматовские перепевы собственного, вульгарность, самовлюбление, злоупотребление словами и эпитетами...».⁴

В 1918 году, не окончив университета, Якубович переехал на юг, в деревню Ново-Васильевка Бердянского уезда Таврической губернии, чтобы ухаживать за тяжелобольной матерью.⁵ Оказавшись в провинции, он остро переживал свою вынужденную изоляцию и всячески стремился — по мере своих возможностей — следить за книжными новинками и критическими публикациями в периодике: «Отрезанность меня уже угнетает. Южные газеты в заплатах еще попадают иногда, но писем, писем, книг, журналов, литературных новостей — нет!»⁶ — так писал Якубович своей близкой подруге и постоянной собеседнице М. А. Борисьяк.⁷ Объемный корпус писем к ней позволяет реконструировать систему взглядов Якубовича на литературное поле того времени и прояснить, какое место занимала в нем Ахматова. Импульсом для размышлений об этом стали смерть А. А. Блока и расстрел Н. С. Гумилева в августе 1921 года:

«8 окт. н. ст. <19>21 <...> Весть о Блоке меня неприятно огорчила. Печаль, вызванная первым впечатлением от его смерти, даже в твоём пылком сердце, вероятно, уже несколько улеглась, и можно говорить объективно об его значении. Поэтов в России теперь нет. Я разумею крупных поэтов. За их отсутствием первыми величинами являлись бесспорно: Бальмонт <...>, Блок и Ахматова. Живи Блок в прежнее время, он казался бы куда мельче. Он симпатичен, но не крупен. Главный его недостаток — спутанность, темнота, неясность. Что он не отличается широтой размаха — этого, я думаю, ты отрицать не будешь. Нюра⁸ прислала мне его „Седое утро“. Там хороши (по степени убывания): „Коршун“, „Перед Судом“, „Женщина“, „Была ты всех ярче“, „Пристал ко мне“, „Пусть я и жил“, „Похоронят, зароят“, „Демон“, „Сусальн<ый> ангел“.⁹ Кроме этого десятка стихотворений, все остальное или темно, или испорчено, или просто слабо. Напиши мне свое мнение об этой книжечке. Ты, конечно,

³ [Якубович Д. П.]. [Рец. на:] Анна Ахматова. Белая стая // Русское богатство. 1918. № 1–3. С. 362–365. Заметка атрибутирована Р. Д. Тименчиком (*Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя... С. 137).

⁴ Там же. С. 141.

⁵ *Томашевский Б. В.* Д. П. Якубович // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 6.

⁶ ИРЛИ. Ф. 800. № 90. Л. 42 об.

⁷ Борисьяк Марианна Алексеевна (1897–1983) — дочь известного палеонтолога и геолога А. А. Борисьяка; однокашница Д. П. Якубовича по Выборгскому коммерческому училищу и частной гимназии Л. Д. Лентовской.

⁸ Вигдорчик (в замуж. Уфлянд) Анна Николаевна (1898–1958), однокашница Д. П. Якубовича.

⁹ Несколько названий Якубович сократил; верно: «Пристал ко мне нищий дурак...» (в содержании — «Пристал ко мне нищий...»), «Пусть я и жил, не любя...» и «Похоронят, зароят глубоко...».

ведь ее читала. Ахматову я люблю гораздо больше. „Подорожник“ мне очень нравится. Все больше и больше убеждаюсь, что в Ахматовой есть много общего с... Верочкой.¹⁰ Та же изящная изломанность, внутренняя тонкость, чуткость и хрупкость и религиозность. Словом теперь, когда я читаю Ахм<атову>, я думаю о Верочке. Читая Верины письма, вспоминаю Ахм<ато>ву. Только Ахм<атова>, конечно, куда менее симпатична и очаровательна.¹¹ <...>

9 окт. <...> Я, кроме известия от тебя, ничего о смерти Блока не читал и не слышал. Как отнесся к этому город, поэты, газеты, „Комнарпрос“? Не понимаю все-таки, почему Блок кажется тебе „громادным человеком“? Когда я говорю слово „громадный“ в применении к писателю, я думаю: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Тургенев; когда я говорю „большой“, думаю: Некрасов, Майков, Тютчев, Фет, пожалуй. Но разве сравнить с кем-ниб<удь> из них Блока? Ему, дай Бог, место в третьем ряду: Полонский, Надсон, Мей, Бальмонт, Брюсов... Блок. Я и Брюсова-то ценю и люблю гораздо больше Блока. Правда, я не читал „Двенадцати“ в подлиннике, читал только 1-ую часть „Возмездия“, м. б. еще что-ниб<удь> упустил за эти годы. Но не думаю, что он именно теперь вырос в громадину. Нежный, влюбленный поэт, поклонник Прекрасной Дамы, Кармэн — ну разве это можно назвать громадным? <...>

От Ньюры узнал грустную весть о смерти Гумилева. Уцелел от всех зверей Африки, не погиб в волнах далеких морей, не умер от тропической лихорадки, умер дома, у себя, на родине. Я не очень любил его как поэта, но мне все же его очень жаль. Бедная Ахматова! Насколько я знаю, Блок был ее любовью, Гумилев — мужем, и потерять почти одновременно обоих. Оба были поэтами, и она сама чуткая поэтесса. Какой трогательный и трагический сюжет! Вероятно, Ахм<атова> теперь совсем уйдет в религию. Если услышишь что про нее — напиши.¹² <...>

От Ньюры узнал о смерти мужа Ахматовой.¹³ Что известно тебе о ней? Мне очень нравится ее „Подорожник“.

...Оба были поэты, оба были любимы,
Оба сгибли в ужасный год.
Одному снились мачты, облака, пилигримы
И над водами Конго восход.

А другому в серебряном сумраке храма,
В серых нишах собора — пророческий глас
И улыбка Кармэн и Прекрасная Дама
С обещаньем несбыточных глаз.

Ты — любившая их — одинокой осталась
И не выскажешь горя в стихах.
Только резче в зрачках золотистых усталость,
Только чаще Господь — на устах.

<1>921 г.»¹⁴

¹⁰ Речь идет о Vere Федоровне Берсеновой (1897–1950) — однокашнице М. А. Борисяк и Д. П. Якубовича. В юности Якубович испытывал сильное духовное влечение к «Верочке»: ей посвящены отдельные его стихотворения; ею же вдохновлен замысел поэмы «Беатриче». О Берсеновой как читательнице Гумилева см.: *Тименчик Р. Д.* История культа Гумилева. М., 2018. С. 621.

¹¹ ИРЛИ. Ф. 800. № 90. Л. 86–86 об. Сохранились фрагменты одного большого письма, написанного в несколько приемов (8, 9 и — предположительно — 10 октября 1921 года); между ними, судя по содержанию, Якубович получил свежую почту.

¹² Там же. Л. 87 об., 58.

¹³ Речь идет — снова — о Н. С. Гумилеве, расстрелянном в ночь на 26 августа 1921 года; к тому времени Гумилев уже не был мужем Ахматовой (их развод состоялся в августе 1918 года).

¹⁴ Там же. Л. 59 об. Этот же текст с разночтениями (в первой строфе — «паруса» вместо «облака», в третьей — «муки» вместо «горя») записан Якубовичем в рукописную тетрадь «Стихотворения

Схожим образом Якубович описал свое отношение к современной литературе и критике в письме от 22 января 1922 года к другу семьи А. Г. Горнфельду, одному из редакторов «Русского богатства» и своему многолетнему корреспонденту:¹⁵

«Я три с половиной года живу, можно сказ<ать>, вне жизни, питаюсь обломками старой литературы, и несмотря на то, что могу сказать о себе, что жил все время литературными интересами, боюсь, что, показавшись теперь на люди, м. б. произвел бы на некоторых впечатление медведя, три года сосавшего лапу!

Во всяком случае даже тот небольшой кусок живой жизни, который я нашел в „Летописи“, закружил меня совершенно, всплыло столько имен, столько задавленных интересов, так захотелось самому жить! <...> Помимо хроники с большим интересом и удовольствием прочел Ваши статьи: <...> особенно о Маяковском.¹⁶ Ваша точка зрения на последнего мне гораздо ближе, чем всеобъемлющая „широта“ Чуковского, приемлющего в 1 № „Дома“ и Ахматову, и Маяковского.¹⁷ <...> Хочется узнать и о новых писателях. За то время, что я не был в П<етер>б<ур>ге, успел вырасти в знаменитость и чуть ли не „гениальность“ и наконец умереть, окруженный апостолами и толкователями, Александр Блок. Я только недавно имел случай познакомиться с его „Седым утром“ и „Двенадцатью“. Несмотря на „общепризнанную“ славу последней вещи, несмотря на восторги моих друзей, мне ее приславших, несмотря на то, что, по-видимому, и настоящая критика видит в ней литературное событие, я, при всем желании моем, бессилён понять гениальность и значение этой поэмы! Кроме грязи, совершенно неоправданной, по-моему, кроме виршеплетства, пытающегося подражать народным частушкам, я ничего не мог найти и мне все время вспоминалась андерсеновская добрая сказка о голом Короле. Может быть, многих соблазнило заключение, но оно представлено так механически, так внутренне противоречит всей вещи, что внушает мне только отвращение. <...> Очень было бы мне интересно, дорогой Аркадий Георгиевич, если бы Вы написали мне хоть несколько слов о том, как Вы сами относитесь к Блоку и, в частности, к этой поэме. Что касается до „Утра“ — оно мне понравилось, и я даже на смерть Блока и Г<умилева> написал маленькое стих<отворени>е: <...>¹⁸

Одновременно с „Летописью“ мои друзья прислали мне несколько книг, между проч<им>: Рождественский „Лето“, Белый „Перв<ое> свидание“ и Гумилев „Огнен<ый> столп“. Это дало мне возможность еще ближе озна-

Дмитрия Якубовича. 1919. 1920. 1921» с пометой «На смерть Блока и Гумилева» (ИРЛИ. Ф. 800. № 40. Л. 202 об.). По всей видимости, в этом стихотворении Якубович заочно обращался именно к Ахматовой, будучи уверенным, что у нее был «роман с Блоком».

¹⁵ В Отделе рукописей РНБ сохранились письма П. Ф. Якубовича (с приписками юного Димы Якубовича), а также письма самого Д. П. Якубовича к Горнфельду почти за 30 лет — с 1907 по 1938 год.

¹⁶ Имеется в виду статья А. Г. Горнфельда «Культура и культуришка», опубликованная в № 1 журнала «Летопись дома литераторов» за 1921 год, которая была посвящена творчеству В. Маяковского.

¹⁷ Чуковский К. Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. № 1. С. 23–42 (этой публикации предшествовал доклад Чуковского «Две России. Ахматова и Маяковский»). В конце весны 1921 года, получив из Петрограда первый номер «Дома искусств», Якубович писал: «Маяковский лучший из бездарных — его барабан так гремит, что иногда иной сочтет этот треск за талантливость, но это скоро разъясняется. Существует ли Северянин? Диск № 1 я получил. С восторгом захлебнулся им — пришлю целую рецензию <...>. Стихи в Диске мне не нравятся. Статья Чук<овского> очень интересная, хорош паук Добужинского» (ИРЛИ. Ф. 800. № 90. Л. 83). «Паук» — футуристический рисунок М. В. Добужинского «Тень» (из цикла «Сны»), помещенный между с. 4 и 5 журнала.

¹⁸ Далее следует текст, приведенный нами выше в письме Якубовича к М. А. Борисяк. В стихотворении, помещенном в письме к Горнфельду, фиксируется ряд уже отмеченных различий (см. прим. 14), а также еще одно, имеющее принципиальный характер: «любимая их» вместо «любившая их» в третьей строфе.

комиться с литературным новым Петербургом. <...> У Гумилева мне очень понравились: „Звездный ужас“ (вспомнились отчего-то «Песни западных славян»), кое-что в „Памяти“, „Персидская миниатюра“, „Шестое чувство“, „Ольга“, „Дервиш“, „Молитва“, „Дева“.¹⁹ К сожалению, в бледной статье бледного Иванова я не нашел ни надлежащей оценки поэта, ни этого сборника.²⁰ Ахматовские „Подорожник“ и „Anno Domini“ мне все уже гораздо ближе и многое там весьма нравится. Писали ли Вы что-нибудь за эти годы об Ахматовой?»²¹

Спустя десятилетие «Подорожник» был вновь отмечен Якубовичем. Находясь под сильным впечатлением от очередной встречи с Ахматовой, он записал в ее альбом (вероятно, в 1933 году) стихотворение, заканчивавшееся словами: «Она не узнает, — / Ну что ж, ну и пусть! — / Что скрыт в ученом художник, / Который с утра твердил наизусть / Душистый ее „Подорожник“».²² Заседание Пушкинской комиссии, проходившее 15 февраля 1933 года в Пушкинском Доме, на котором Ахматова выступила с докладом «Последняя сказка Пушкина», Якубович подытожил словами самой Ахматовой из того же сборника: «До сих пор об источниках „Петушка“ ничего не знали, но теперь, выражаясь словами присутствующего здесь поэта (аудитория тихо охнула)... это просто, это ясно, это всякому понятно».²³

Вводимая в научный оборот рецензия на четвертое издание «Четок» была подготовлена Якубовичем, вероятно, для журнала «Русское богатство»: на это указывают заимствования из этого текста в его позднейшем отзыве на сборник Ахматовой «Белая стая». Предлагаемая датировка рецензии — март–август 1917 года — опирается на упоминание в тексте «публики дореволюционного безвременья» и выход в свет первого издания «Белой стаи» (сентябрь 1917).²⁴

К концу 1916 года сборник «Четки» был опубликован издательством «Гиперборей» четыре раза (в 1914, 1915 и дважды в 1916 году). Очередное, пятое издание было осуществлено Н. Н. Михайловым спустя два года (Пг.: Прометей, 1918). Фактически состав «Четок» не различался, изменялись лишь названия текстов или их порядок. Так, например, во втором издании стихотворение «Солнце комнату наполнило...» получило заглавие «8 ноября 1913» (в третьем издании исходное название возвращено), а «Отрывок из поэмы» был озаглавлен по первой строке: «В то время я гостила на земле...». Единственный текст, исключенный из состава «Четок» после первого издания, — «Вечерняя комната»; в остальных изданиях его место занимает стихотворение «Три раза пытаться приходила...».²⁵ Возможно, рецензия Якубовича осталась невостребованной именно потому, что была написана на книгу, хотя и сохранявшую актуальность, но уже потерявшую статус литературной новинки. Любопытно отметить также, что те немногие ахматовские тексты, которые

¹⁹ Якубович перечисляет названия стихотворений с несколькими неточностями. Верно: «Пьяный дервиш», «Молитва мастеров» и «Дева-птица».

²⁰ Речь идет о статье: *Иванов Г.* О поэзии Н. Гумилева // *Летопись дома литераторов.* 1921. № 1. С. 3.

²¹ РНБ. Ф. 211. № 1147. Л. 17–19.

²² Цит. по: *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя... С. 136.

²³ *Гинзбург Л.* Записи 20–30-х годов // *Новый мир.* 1992. № 6. С. 177. Ср. в письме Якубовича к Борисяк от 25 мая 1921 года: «Ахматову я полюбил больше. Мне нравятся ее: „Это просто, это ясно...“ Читала ли ты?» (ИРЛИ. Ф. 800. № 90. Л. 83).

²⁴ Ни в фонде «Русского богатства» (ИРЛИ), ни в фонде самого Горнфельда (РНБ) не удалось обнаружить каких-либо свидетельств, подтверждающих нашу догадку: в письмах к Горнфельду Якубович эти рецензии не упоминает (к тому же писем за этот период почти не сохранилось); в делопроизводственных материалах журнала его фамилия не встречается (это не удивительно, если принимать во внимание дружественные отношения Якубовича и Горнфельда).

²⁵ Оба стихотворения — из раздела «Стихи из книги „Вечер“».

Якубович оценивает положительно (например, «Сероглазый король»), входили в раздел «Стихи из книги „Вечер“».

Ахматова особенно выделяла три рецензии на «Четки»: «Главная статья — Н. В. Недоброво. Две — ругательные. С. Боброва и Тальникова. Остальные — похвальные...».²⁶ Хотя разоблачительный пафос Тальникова и Боброва не близок Якубовичу, его оценка сборника Ахматовой во многом схожа с их позициями. Так, например, Бобров построил свой короткий отзыв на отрицании художественной ценности акмеизма. Собственно, кроме заглавия и предпоследнего предложения в рецензии нет ни слова об Ахматовой, основное содержание его критической статьи составляют нападки на манифесты Н. С. Гумилева и С. М. Городецкого: «За все время своего существования „акмеисты“ не сумели дать ничего, что могло бы уверить читателей в действительной необходимости обособления их от символистов».²⁷ В рецензии Якубовича мы также находим критику акмеистических позиций — впрочем, значительно более аргументированную: «...акмеисты не достигают полноты художественной убедительности — углубляясь в поисках формальных путей, они не дают содержания». Отчасти совпал в своей оценке Якубович и с Тальниковым. Так, например, оба отметили «способность поэтессы все конкретизировать». Но если Якубович стремился дать объективную оценку («это создает нередко <...> известную интимность <...> Особенно часто (и не всегда удачно) это конкретизирование достигается при помощи числительных...»), то Тальников в своей гораздо более жесткой по тону статье саркастически отозвался на это «конкретизирование»: «На стр. 104 сообщается читателю: *Я сошла с ума, о, мальчик странный, / В среду, в три часа!.. Какая точность!*»²⁸

Текст публикуется по белой рукописи, хранящейся в фонде Д. П. Якубовича (ИРЛИ. Ф. 800. № 190а) и ошибочно атрибутированной ранее отцу фондообразователя, П. Ф. Якубовичу. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом; зачеркнутый текст приводится в квадратных скобках.

АННА АХМАТОВА

(Четки. Стихи. 4 изд. П<етроград>, 1916. ц. 1 р. 50 к.)

Не выходя из области чисто женской лирики, две книжечки стихов¹ А. Ахматовой вносят в эту узкую сферу кое-что новое.

Русская женская поэзия, несомненно, еще вся в будущем; русской женской лирики (не считая лирики народной), можно сказать, еще не существует. Каролина Павлова, гр. Ростопчина, Хвоцинская, Жадовская, Барыкова, Allegro-Соловьева, Лохвицкая, З. Гиппиус, Чюмина, Щепкина-Куперник, Галина² — вот небогатый перечень русских Сапфо, вписавших свои имена

²⁶ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996. С. 518. Речь о статьях: *Недоброво Н.* Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. № 7. С. 50–68 (2-я паг.); *Бобров С.* Анна Ахматова. Четки // Современник. 1914. № 9. С. 108; *Тальников Д.* [Шпитальников Д.]. Анна Ахматова. Четки // Современный мир. 1914. № 10. С. 208–211.

²⁷ *Бобров С.* Анна Ахматова. Четки. С. 108.

²⁸ Цит. по: Анна Ахматова: pro et contra. Антология: [В 2 т.]. СПб., 2001. Т. 1. С. 104.

в историю нашей [литературной] поэзии. Какой-нибудь десяток имен, частью уже полузабытых и никогда не блиставших собственным ярким светом. Если последнее десятилетие, может быть, немного пополнило этот список количественно, то оно отнюдь не освежило его, не внесло в него нового качественно. Стихотворения Л. Столицы, М. Цветаевой, М. Моравской³ и других, еще менее значительных, числа им нет, то манерные и претенциозные, то будничные и определенно бесталанные, вряд ли задержат внимание будущего историка русской литературы. Были, правда, среди поэтов последних лет симпатичные дарования, радовавшие и, казалось, позволявшие надеяться... Мы имеем в виду г-жу Чумаченко⁴ (Ада Чумаченко. Стихи. М. 1912) и г-жу Ефименко⁵ (Т. Ефименко. Жадное сердце. Стихи. П. 1916). У обеих поэтесс чувствовалась подкупающая жизненность, сквозил, может быть, не большой, но подлинный талант. Стихи г-жи Чумаченко — воздушные крымские картинки, тонкие степные акварели, не блистая разнообразием технических и изобразительных средств, все-таки всегда были определенно индивидуальны и красивы.

«Жадное сердце» г-жи Ефименко, вероятно, понятно всем, кто хоть раз прочел эту изящную и женственную книгу. В свое время она пользовалась кратковременным успехом, «свет ее заметил», и она не должна быть совершенно забыта, по крайней мере первый ее отдел, посвященный «домашним пенатам».

Несравненно больший успех выпал на долю г-жи Анны Ахматовой, маленькая книжечка стихов которой лежит сейчас перед нами.

Всего три года существования насчитывают эти «Четки» и уже, при сравнительно дорогой цене, вышли четвертым изданием! Хочется всмотреться, где причина этого несомненного успеха: оригинальность содержания, новизна формы... Удалось ли поэтессе захватить читателя своим внутренним миром, или она только выразительница настроений последних лет дореволюционного русского общества? Быть может, «Четками» положена новая ступень на пути восхождения женского творчества?

«Четки» написаны женщиной, и только круг переживаний женщины охвачен ими. Ничто другое не затронуто вне этого круга. Больше того — и в нем взята только одна сторона, углубленная и углубляемая постоянно, — сторона эта, конечно, любовь. Но и из неувядающей поэмы любви г-жа Ахматова берет только немного — опасения, ревность, тоску [неразделенной любви] неразделенного чувства... Не любовь нежная и девственная, не любовь яркая и могучая, полновзвучная и торжествующая — предмет описания г-жи А. Ахматовой, но любовь современная, раздвоенная, с вечным анализом, копанием в себе и немолчными сомнениями. Нет у г-жи Ахматовой описания любви-счастья, любви светлой и здоровой, благоухающей и целящей — ее любовь — это муки, тревоги, терзания своей и чужой души. Это не случайность. Г-жа Ахматова не может представить себе любви иначе — для нее это только «пытка», только то, что непременно «верно и тайно ведет от радости и от покоя» (стр. 89. Стих «Отворение» Любовь). Надломленность и изощренность странно сплетаются в этом определении. Это не экзотическая страстность М. Лохвицкой, это какая-то русалочья, большая любовь, прошедшая сквозь налет города и культуры. Отсюда ее импрессионизм, детализирование (иногда заминающееся, чаще чрезмерное), отсюда болезненная порывчатость, мудрствование, тщеславие, кокетство и порой звериная холодность.

«Четки» — это история в любви страдающей женской души. Г-жа Ахматова подробно, тщательно и усердно перебирает эти четки, эту повесть любви и влюблений, как бы боясь сбиться со счета в своих поклонах и молитвах божееству любви.

Уже на первой стр<анице> своего сборника она заявляет в виде своеобразного эпиграфа:

«Пусть камнем *надгробным* ляжет
на жизни моей любовь».

Любви еще нет, но г-жа Ахматова уже предчувствует ее грядущую трагичность — любовь не может не раздавить своей тяжестью ее надломленной души. На первой же стр<анице> появляется «он», и мы узнаем от поэтессы, что «этот может меня приручить». Однако чувство еще не успевает расцвести, как героиня уже в «смятении» — и уже сама любовь всецело заслоняется растущим мотивом ревности и тоски: «не любишь, не хочешь смотреть?» (стр. 8). Нет еще никакой «измены», но поэтесса уже со свойственной ей мелочной наблюдательностью подмечает в характере любимого человека те ничтожные черточки, из которых должна, по ее предчувствию, вырасти эта измена. Самый покой уже кажется ей «насторожившимся». Только что «украли у меня сердце», «а в груди моей уже не слышно трепетания стрекоз». И далее она прорицает зловеще:

«Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам»

«Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего».

«Причина горя», конечно, очень проста. Страстная до истеричности натура поэтессы (такое отождествление с героиней настойчиво проводится самим автором) слишком давно ждала и боялась любви. Не любимый был важен ей, но само чувство любви, которое она культивировала, которое уродливо росло в ней, заполняя целиком ее душу. Она сама вспоминает и рассказывает это: «все мои бессонные ночи», «десять лет замираний и криков» (!), сама признается, что она «в этой жизни <...> только пела и ждала» (стр. 51). И вот потребность любви превысила самую любовь — встретился холодный и «учтивый» он, и героиню (или поэтессу?) не удовлетворяет уже обычная, здоровая любовь — прикосновения рук кажутся ей «непохожими на объятья», «он снова тронул мои колени почти *недрогнувшей* рукой»... тысячи неудовлетворяющих ее мелочей с болезненной подробностью приводит еще г-жа Ахматова и наконец с ужасом убеждается, что ее «люблю» было сказано «напрасно» (стр. 9), она мечтала 10 лет совсем о другом... С другой стороны, и герой явно недоволен своей возлюбленной. Казалось бы, чего проще — разойтись полюбовно и дело с концом! Нет, тут только разгорается ярким пламенем [любовь] ревность поэтессы:

«И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок».

Томление под Новый год, наивные ухищрения покинутой Сандрильоны удержать «друга» — ничто не помогает: предчувствие, конечно, оправдывается как по писаному. Он сказал:

«поди, убей свою любовь».

На этом, собственно говоря, и заканчивается так сказ<ать> фактическая сторона дела. Но фантазия поэтессы все придумывает разные чудачества, то героиня истерически утешает и убеждает себя, наперекор действительности, в том, что бережет для него улыбку — «так движенье чуть видное губ», то в галлюцинациях является ей «он», то сама она приходит к нему, то, наконец, с упорством сомнамбулы тянется туда,

«Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода...»

Однако после некоторого периода «монашества» наступает новое увлечение, и мы узнаем, наконец, что на руке героини появляется обыкновенное «золотое кольцо». Впрочем, и на этом не кончаются фантастические юродства и ревнивые воспоминания. Вот в общих чертах нехитрое содержание значительной части «Четок», варьируемое на всяческие лады на протяжении 132 стр<аниц>. ⁶ Любопытно отметить, что оба действующие лица «Четок» — поэты, что не раз подчеркивается автором:

«Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине <-> нелепость»;

«И если я умру, то кто же / мои стихи напишет Вам» (стр. 21);

«Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет»;

«И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен» и т. д. и т. д.

Больше того, — «он» оказывается даже «моим знаменитым современником», биография его «славной» и т. п. Из-за него мечтает попасть в историю (или делает вид, что мечтает) и сама поэтесса: «подари меня горькою славой» —

«Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети».

Но этим еще более усиливается неприятное впечатление от обоих героев. Про «знаменитого современника» мы узнаем, что «этот может меня приручить», что он «наглый и злой», — не то какой-то охотник, не то наездник «с красным тюльпаном в петлице», что он «с глазами осторожной кошки», с «несытыми», «наглыми», «упорными» взглядами (стр. 27). Других красок, других эпитетов не находит для него сама возлюбленная. «О как ты красив, проклятый!» — этот единственный в своем роде стих резюмирует восторги поэтессы, и дальше нам сообщается: «Я надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней» (<с.> 14).

Однако верхом поэтической бестактности и отсутствия художественной чуткости является эпизод, выделенный самой г-жой Ахматовой в самостоятельный отдел под цифрой — «II».

Его-то мы и имеем в виду, говоря о «звериной холодности».

В историю своей влюбленности А. Ахматова эпизодически вплела трагический случай с каким-то мальчиком. Сначала мы узнаем, что она кокетничает с ним — под эту «песенку о вечере разлук», «чтобы он не плакал», затем записывает, как бы гордясь своей победой:

«Мальчик сказал мне: „Как это больно!“
И мальчика очень жаль.

Еще так недавно он был довольным
И только слышал про печаль...»

...«Я знаю, он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои».

Как видим, покорительница детского сердца уже прекрасно знает, что ребенок «с болью своей не сладит», но вместо того, чтобы прекратить кокетство, она с хищным, несомненно болезненным любопытством ловит признаки душевного мучения ребенка. Ей доставляет удовольствие, что он «беспомощно, жадно и жарко гладит» ее руки, а она, видите ли, любит, что у нее руки «холодны» и бестрепетны. Как все это старательно подчеркнуто! Так кошка смакует последние вздрагивания пойманной птицы... Но просвещенная поэтесса не кончает на этом кокетливый рассказ об экспериментах над человеческой душой. Вот эпилог этого рассказа:

«Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть.

.....

Я думала: ты нарочно
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

.....

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно идти домой».

Что это — действительная порочность или ребяческая наивность? К чему рассказывает нам об этом г. Ахматова, смакуя и теперь, даже теперь, после трагического финала, эстетические подробности смерти ребенка:

«Я не знала, как *хрупко* горло
Под *синим* воротником».

«Прости меня, мальчик *веселый*,
Совенок замученный мой!» и т. д.

Как отталкивающе-фальшиво звучит это раскаяние в красивых кокетливых стихах. Ей, оказывается, «так трудно» сегодня уйти «из костела домой». Может быть даже, ей будет неприятно смотреть сегодня в «наглые» глаза своего возлюбленного? К счастью, читатель, г-жа Ахматова клеветает на себя (или на свою героиню) — нам нечего ужасаться по той простой причине, что таких людей нет, что, конечно, весь этот эпизод с «веселым мальчиком» от начала до конца выдуман досужей поэтессой, как выдуман для красивой риф-

мы этот «костел», из которого ей «трудно уйти». Поэтому не верьте «томной порочности» г-жи Ахматовой, не верьте ей, когда она, многозначительно подмигивая, скажет Вам:

«Мне не страшно. Я ношу *на счастье*
Темно-синий шелковый шнурок».

Никакого шнурка не носит Анна Ахматова, да и носить «на счастье» не может, потому что никто на этом шнурке не вешался.

Но это и не наивность. Это только сознательная подделка под наивность — все эти «я не знала», «я думала, ты нарочно» — это не жизненная простота, к которой якобы стремятся т. н. «акмеисты», а упрощение — простота фальсифицированная, выдуманность которой становится особенно неуместной в данной теме. Подход непосредственного восприятия, иногда такой удачный у самой Ахматовой, здесь оказался абсолютно неприемлемым. Обратимся же к лучшим сторонам творчества Ахм<атовой>. Она, несомненно, талантлива даже и в «Четках». Изящество стиха, нередко интересная *трактовка* сюжета, красивый импрессионизм, выработанная и своеобразная техника, известная наблюдательность — во всем этом нельзя отказать поэтессе. На многом в ее стихах останавливаешься с удовольствием, кое-что запоминается, но тем больше огорчают образцы безвкусыя. К числу удачных, на наш взгляд, стих<отворен>ий принадлежат «Бессонница», «Исповедь», «А. Блоку», «Вижу выцветший флаг». Оригинальны, хотя искусственны: «Меня покинул в новолунье» и «Сжала руки...»; из цикла «В Царском Селе» — мастерски и сжато написано стих<отворен>ие, посвященное памяти Пушкина:

«Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни».

Позволим себе еще привести целиком одну пьеску, чтобы показать, какие действительно поэтические, музыкальные вещицы может давать Ахматова:

Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись с охоты, сказал:
«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».
Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

К сожалению, этими несколькими стихотворениями и исчерпывается положительная сторона «Четок». ⁷ Все остальное надумано, манерно или бледно,

и, что главное, почти все производит впечатление неискренности. Мелькают иногда красивые образы, поэтические строки, — но только мелькают — рядом с ними строки пошлости, фальши. И становится больно за подлинно красивое, за то, что можно выбрать. Как хорошо, напр<имер>, может указать Ахматова — «влажны стебли новогодних роз» или «и словно тушью нарисован в альбоме старом Булонский лес»; метко и ясно: «легкое золото ресниц»; своеобразны некоторые описания: «лиловый сумрак гасит свечи», «месяц розовый воскрес», «темноводная Нева»; красноречивы — «осуждающие взоры спокойных загорелых баб»; красив стих — «каждый день по-новому тревожен» и т. д. Иногда Ахматова умеет с тонкой наблюдательностью передать тоску, когда «больно вздохнуть» и хочется стать

снова приморской девчонкой
Туфли на босу ногу надеть...
...И не зная, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

Много дает способность поэтессы все конкретизировать — это создает нередко (но, как мы уже отметили, — далеко не всегда) известную интимность, напоминает что-то знакомое: «на столе забыты хлыстик и перчатка», «круг от лампы желтой», «запах теплый мертвой лебеды», запах «хлеба», «спелой ржи», «в косах чуть слышный запах табака» и т. д. Особенно часто (и не всегда удачно) это конкретизирование достигается при помощи числительных. Напр<имер>, «но не заменят мне утрату четыре новые плаща», «хорошо твои слова баюкают, третий месяц я от них не сплю», «но сердце знает, сердце знает, что ложа пятая пуста», «и две в лесу скрестившихся тропинки» и т. д. В этом отношении к Ахм<атовой> можно применить ее слова:

«Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу».

Стремление к точности, локализации и детализированию принадлежит к характерным чертам Ахматовой — «твои сухие розовые губы», «легкий шелест справа от стола», «я на правую руку надела перчатку с левой руки», «я сбежала перил не касаясь, я бежала за ним до ворот», «я в январе была его подругой» и т. д. Этот художественный прием она с успехом применяет иногда и к душевным переживаниям — даже внезапные мысли, неясные ассоциации она стремится зафиксировать, напр<имер>, неожиданное: «знаешь, я читала, что бессмертны души» (стр. 60). Но, повторяем, наряду с «последним словом» творческих приемов, с внешней изощренностью, встречаются сплошь и рядом просто неудачные места, неуклюжие выражения, слова: «если ты к ногам моим положен» (кем?); дважды повторенный некрасивый стих «ты письмо мое, милый, не комкай», смертный час «напоит прозрачной сулемой», «сказал совсем взволнованно и тихо» (можно сказать — совсем тихо, но сказать *совсем* взволнованно — неудобно). Искусственен образ:

«Я молчу. Молчу готовая
Снова стать тобой, земля».

Очень пошло звучит стих: «все сильнее скучает кровь» (стр. 21) и т. д., и т. д.

Щеголяя новыми метрами и рискованными рифмами, поэтесса часто впадает в крайность (если интересна расстановка рифм на стр. 69, то уж во вся-

ком случае не оправдывают себя стихи, явно искусственно построенные по схеме abc|acb или даже — abcd|bcad ad — стр. 108 и 126).⁸

Нормально рифмуют у нее не только «света» и «этот», «память — пламя», «лучи — приручить», но и «жалящей — товарища», «тускло — мускул» (стр. 81).

Это неизбежно коробит, ненужно, без оправдания задерживает внимание читателя. Есть у Анны Ахматовой пристрастие к некоторым эпитетам, назойливо часто у нее слово — «смуглый», постоянны «серые» глаза, о них она сама говорит:

«Покорно мне воображенье
В изображеньи (?) серых глаз».

В области чистого пейзажа почти все слабо.

«Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой,
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы...»

Читатель готов представить себе знакомую, нехитрую русскую картину и вдруг останавливается, пораженный заглавием стих<отворен>ия — «Венеция». Прошла А. Ахматова и мимо Флоренции, не приметив ее и сложив там только одну из своих тоскливых песенок:

«В этой жизни я не много видела;
Только пела и ждала»...

Но довольно. Думаем, что достаточно ясен талантливый, но испорченный манерностью образ поэтессы — одной из руководительниц «акмеизма».

Если теоретически акмеисты и не признают за формой худож<ественно>го произведения значения самоцели, то практически их учение о «точности» и «ценности» слова, о «бережности к слову» и т. д. выливается исключительно в заботу о форме, о технике, в ущерб содержанию и художественной концепции. Если считать, что эстетическая ценность поэзии, возможность ее худож<ественно>го воздействия есть неразрывный, гармонический конгломерат формы и содержания, то акмеисты не достигают полноты художественной убедительности — углубляясь в поисках формальных путей, они не дают содержания. У Ахматовой, нам думается, именно в связи с односторонней и теоретизированной погоней за техникой особенно ярко выступает бедность, надуманность и неискренность содержания.

Что же, однако, привлекло к ее сборнику широкие симпатии публики? — снова зададим мы вопрос.

К сожалению, мы лично думаем, что публика Анны Ахматовой — это публика нашего дореволюционного безвременья, это измотанная и изломанная городской жизнью усталая масса, только и могущая жить в приподнятой, истерически надорванной и упадочной атмосфере, заменившая подлинную художественную красоту и правду кинематографическими драмами и крикливым безвкусием. Эта безыдейная публика эпохи реакции нашла, к сожалению, выразительницу своих стремлений в лице Ахматовой. Поэзия Ахматовой (во всяком случае «Четки») — плод извращенного русского эстетизма, погони за стилем и оригинальностью.

Создав в значительной части «Четок» атмосферу пошлости, Ахматова не убедила, однако, никого в своей «порочности». Думаем, что именно этого

хотелось поэтессе. Она этого не достигла. «Четки» являются лишним примером того, что хотя поэты и творят публику, но и публика, в свою очередь, нередко творит поэтов.

¹ Имеются в виду поэтические сборники Ахматовой «Вечер» (1912) и «Четки» (1-е изд. — 1914).

² Каролина Карловна Павлова (1807–1893), Евдокия Петровна Ростопчина (1811–1858), Надежда Дмитриевна Хвощинская (1821–1889), Юлия Валериановна Жадовская (1824–1883), Анна Павловна Барыкова (1839–1893), Поликсена Сергеевна Соловьева (псевд. Allegro; 1867–1924), Мария Александровна Лохвицкая (псевд. Мирра Лохвицкая; 1869–1905), Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945), Ольга Николаевна Чюмина (1864–1909), Татьяна Львовна Шепкина-Куперник (1874–1952), Глафира Адольфовна Ринкс (псевд. Галина Галина; 1873–1942).

³ Поэтессы, вышедшие на литературное поле на рубеже 1900–1910-х годов (в скобках также указаны названия и годы первых изданий поэтических сборников): Любовь Никитична Столица (1884–1934; «Раиня», 1908), Марина Ивановна Цветаева (1892–1941; «Вечерний альбом», 1910), Мария Людвиговна Моравская (1889–1947; «На пристани», 1914).

⁴ Единственная поэтическая книга Ады Артемьевны Чумаченко (1887–1954) была памятна для Д. П. Якубовича прежде всего потому, что автор посвятила ее памяти П. Ф. Якубовича (с 1908 года Чумаченко регулярно публиковалась в журнале «Русское богатство», где, вероятно, и познакомилась с отцом и сыном). Д. П. Якубович сохранил портрет Ады Чумаченко, преподнесенный поэтессой его отцу 1 ноября 1907 года с дарственной надписью: «Моему дорогому учителю, давшему мне столько силы и радости, и научившему меня в бесконечное, лучезарное и чистое счастье людей верить так же, как верится и в солнце, которого не видно за тучами» (ИРЛИ. Ф. 800. № 202).

⁵ Стихотворения Татьяны Петровны Ефименко (1890–1918), дочери известных ученых А. Я. и П. С. Ефименко, также публиковались на страницах «Русского богатства». Сборник «Жадное сердце» издан в конце 1915 года (на тит. л.: 1916; на штампе, поставленном Императорской публичной библиотекой, — ныне книга находится в Русском фонде РНБ — значит 1915 год). В 1916 году в № 8 «Русских записок» был опубликован отзыв А. Г. Горнфельда на это издание, вероятно известный Якубовичу. Как указывает Ю. М. Гельперин, критикой «особо подчеркивалась приверженность лирической героини Ефименко к „тихой, сладостной, довольной трудовой семейной жизни“ <...> в противовес мятущимся героям других поэтесс эпохи, прежде всего А. А. Ахматовой» (*Гельперин Ю. М. Ефименко Татьяна Петровна // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 247–248*). Подробнее о сопоставлении в критических отзывах Ефименко и Ахматовой см: *Тименчик Р. Д. Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги» // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.; СПб., 2006. С. 502–503*.

⁶ Напомним, что со с. 90 сборника начинался раздел «Стихи из книги „Вечер“».

⁷ Из восьми стихотворений сборника, перечисленных Якубовичем, три («Сжала руки под темной вуалью...», «Смуглый отрок бродил по аллеям...» и «Сероглазый король») входят в раздел «Стихи из книги „Вечер“».

⁸ На с. 68–69 «Четок» помещено стихотворение «Я пришла тебя сменить, сестра...», на с. 108 и 126 — «Весенним солнцем это утро пьяно...» (из цикла «Обман») и «Три раза пытать приходила» соответственно.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-128-151

© Р. Д. ТИМЕНЧИК (Израиль)

ПЕРСОНАЖИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК А. А. АХМАТОВОЙ

Предлагаемые заметки продолжают обсуждение состава и специфики комментариев к будущему Полному собранию сочинений Ахматовой¹ и к соотнесенным с ним летописи жизни и творчества (в существенно расширенном

¹ Подробнее об этом см.: *Тименчик Р. Д. 1) О составе и границах научного комментария к поэзии А. А. Ахматовой // Русская литература. 2022. № 1. С. 60–84; 2) Об академическом изда-*

37. *Zholkovskii A.* К семантикеariatistopного khorea: Ob odnom arkhisiuzhete Kh5 ZhmZhm // *Voprosy literatury*. 2023. № 3.

38. *Zholkovskii A.* Prekrasnaia Markiza // *Zholkovskii A.* Vybrannye mesta, ili siuzhety raznykh let. M., 2016.

Яков Вениаминович Слепков

библиотекарь Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки

Iakov Veniaminovich Slepkov

Librarian, Manuscripts Department, National Library of Russia

ORCID: 0009-0001-6742-1673

iakovslepkov@gmail.com

Владимир Владимирович Турчаненко

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vladimir Vladimirovich Turchanenko

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID 0000-0003-0573-4583

vladimir.turchanenko@mail.ru

**НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ Д. П. ЯКУБОВИЧА
НА СБОРНИК А. А. АХМАТОВОЙ «ЧЕТКИ»**

**D. P. IAKUBOVICH'S UNPUBLISHED REVIEW
OF A. A. AKHMATOVA'S COLLECTION *THE ROSARY***

В предлагаемой статье впервые публикуется оставшаяся ненапечатанной рецензия Д. П. Якубовича на сборник Анны Ахматовой «Четки» (4-е изд., Пг., 1916). Авторы обосновывают датировку рецензии и выдвигают предположение о причинах ее неопубликования. На материалах из личных архивов Д. П. Якубовича (ИРЛИ) и А. Г. Горнфельда (РНБ), а также свидетельств современников реконструируется эволюция отношения Якубовича к поэзии Анны Ахматовой.

Ключевые слова: А. А. Ахматова, «Четки», Д. П. Якубович, А. Г. Горнфельд, «Русское богатство», рецензия.

The article introduces the academic community to D. P. Iakubovich's surviving unpublished review of Anna Akhmatova's collection of verse *The Rosary* (4th ed., Petrograd, 1916). The authors substantiate the dating of the review and suggest the reasons for its non-publication. Data from the personal archives of D. P. Iakubovich (Manuscript Department, Institute of Russian Literature) and A. G. Gornfeld (Manuscripts Department, National Library of Russia), as well as the testimonies of their contemporaries, help to reconstruct the changes of Iakubovich's attitude to the poetry of Anna Akhmatova.

Key words: A. A. Akhmatova, *The Rosary*, D. P. Iakubovich, A. G. Gornfeld, *Russkoe Bogatstvo* (*Russian Wealth*), review.

Список литературы

1. Анна Ахматова: pro et contra. Антология: [В 2 т.]. СПб., 2001. Т. 1.
2. *Гельперин Ю. М.* Ефименко Татьяна Петровна // *Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь*. М., 1992. Т. 2.
3. *Гинзбург Л.* Записи 20–30-х годов // *Новый мир*. 1992. № 6.

4. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консультывирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996.
5. *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982.
6. *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2011. Вып. 9.
7. *Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги» // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.; СПб., 2006.
8. *Тименчик Р. Д.* История культа Гумилева. М., 2018.
9. *Томашевский Б. В.* Д. П. Якубович // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.
10. *Турчаненко В. В.* Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сборник статей и материалов к 70-летию Н. И. Крайневой. М., 2023.
11. *Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг. (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34.

References

1. Anna Akhmatova: pro et contra. Antologija: [V 2 t.]. SPb., 2001. T. 1.
2. *Gel'perin Iu. M.* Efimenko Tat'iana Petrovna // Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1992. T. 2.
3. *Ginzburg L.* Zapisi 20–30-kh godov // Novyi mir. 1992. № 6.
4. Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966) / Sost. i podg. teksta K. N. Suvorovoi; vstup. stat'ia E. G. Gershtein; nauch. konsul'tirovanie, vvodnye zametki k zapisnym knizhkam, ukazateli V. A. Chernykh. M.; Torino, 1996.
5. *Timenchik R. D.* Anna Akhmatova i Pushkinskii Dom // Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia. L., 1982.
6. *Timenchik R. D.* Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi // Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorcestvo. Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik. Simferopol', 2011. Vyp. 9.
7. *Timenchik R. D.* Iz «Imennogo ukazatel'ia» k «Zapisnym knizhkam»: «Zavistnitsy, sopernitsy, vragi» // «Ja vsem proshchenie daruiu...»: Akhmatovskii sbornik. M.; SPb., 2006.
8. *Timenchik R. D.* Istoriia kul'ta Gumileva. M., 2018.
9. *Tomashevskii B. V.* D. P. Iakubovich // Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii. M.; L., 1941. [Vyp.] 6.
10. *Turchanenko V. V.* Anna Akhmatova i Dmitrii Iakubovich: shtrikhi k portretam pushkinistov // «Odna velikolepnaia tsitata...»: Sbornik statei i materialov k 70-letii N. I. Krainevoi. M., 2023.
11. *Turchanenko V. V.* Nauchnye zasedaniia, organizatsionnye sobraniia i soveshchaniia Pushkinskoi komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931–1936 gg. (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN) // Vremennik Pushkinskoi komissii. SPb., 2020. Vyp. 34.

Роман Давидович Тименчик

профессор Еврейского университета (Иерусалим, Израиль)

Roman Davidovich Timenchik

Professor (Emeritus), Hebrew University (Jerusalem, Israel)

ORCID: 0000-0001-8614-511X

suzirom@gmail.com

ПЕРСОНАЖИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК А. А. АХМАТОВОЙ

A. A. AKHMATOVA'S NOTEBOOKS: THE CHARACTERS

В статье представлены комментаторские справки о людях, упоминаемых А. А. Ахматовой в записных книжках. Эти заметки основываются на письменных свидетельствах, воспоминаниях